

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Г. Талалай. Антонио Катифоро и его биография Петра I . . . . .</i>	5
<i>Д. Ю. Гузевич, М. Г. Талалай. Предисловие к переводу . . . . .</i>	19
Предисловие	24
Книга первая	30
Книга вторая	54
Книга третья	102
Книга четвертая	143
Книга пятая	178
Книга шестая	236
Библиография	282
Примечания	309
Указатель имен	440

ANTONIO CATIFORO

VITA DI PIETRO
IL GRANDE

V I T A
D I
P I E T R O
I L G R A N D E

IMPERADOR DELLA RUSSIA;

E S T R A T T A

Da varie Memorie pubblicate in Francia,
e in Olanda.

V E N E Z I A ;
APPRESSO FRANCESCO PITTERI
In Merceria all' Insegna della Fortuna Trionfante.

M D C C X X V I .

Con licenza de' Superiori , e Privilegio .

АНТОНИО КАТИФОРО

ЖИЗНЬ
ПЕТРА
ВЕЛИКОГО

Новое
Литературное
Обозрение

2022

УДК 929Петр I
ББК 63.3(2)511-8
К29

Перевод — М. Г. Талалай. Научная редакция — Д. Ю. Гузевич

Комментарии Д. Ю. Гузевича и М. Г. Талалая при участии
П. А. Авакова, Е. В. Анисимова, В. В. Аристова, А. М. Булатова,
М. А. Витухновской, И. В. Кувшинской, П. В. Соколова

Именной указатель подготовлен М. Г. Талалаем и Д. Ю. Гузевичем

Катифоро, А.

К29 Жизнь Петра Великого / Антонио Катифоро; пер. с итал. М. Г. Талалая, комментарии переводчика и Д. Ю. Гузевича. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 456 с. (Серия «Историческое наследие»)

ISBN 978-5-4448-1806-0

«Жизнь Петра Великого», выходящая в новом русском переводе, — одна из самых первых в европейской культуре и самых популярных биографий монарха-реформатора. Автор книги, опубликованной в Венеции на итальянском языке в 1736 году, — итало-греческий просветитель Антонио Катифоро (1685–1763), православный священник и гражданин Венецианской республики. В 1715 году он был приглашен в Россию А. Д. Меншиковым, но корабль, на котором он плыл, потерпел крушение у берегов Голландии, и Катифоро в итоге вернулся в Венецию. Ученый литератор, сохранивший доброжелательный интерес к России, в середине 1730-х годов, в начале очередной русско-турецкой войны, принялся за фундаментальное жизнеописание Петра I. Для этого он творчески переработал вышедшие на Западе тексты, включая периодику, облекая их в изящную литературную форму. В результате перед читателем предстала не только биография императора, но и монументальная фреска истории России в момент ее формирования как сверхдержавы. Для Катифоро был важен также образ страны как потенциальной освободительницы греков и других балканских народов от турецких завоевателей. Книга была сразу переведена на ряд языков, в том числе на русский — уже в 1743 году. Опубликованная по-русски только в 1772 году, она тем не менее ходила в рукописных списках, получив широкую известность еще до печати и серьезно повлияв на отечественную историографию, — ею пользовался и Пушкин, когда собирал материал для своей истории Петра. Новый перевод, произведенный с расширенного издания «Жизни Петра Великого» (1748), возвращает современному читателю редкий и ценный текст, при этом комментаторы тщательно вывели всю информацию, излагаемую венецианским биографом. Для своего времени Катифоро оказался удивительно точен, а легендарные сведения в любом случае представляют ценность для понимания мифопоэтики петровского образа.

УДК 929Петр I
ББК 63.3(2)511-8

В оформлении обложки использованы фрагменты шпалеры с изображением Петра I из усадьбы Бликлинг-холл, Великобритания. Фото: Michael John Button. Flickr. CC BY 2.0.

© М. Г. Талалай, перевод с итальянского, статья, комментарии, 2022

© Д. Ю. Гузевич, комментарии, 2022

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

АНТОНИО КАТИФОРО И ЕГО БИОГРАФИЯ ПЕТРА I

Одно из первых и самых популярных в XVIII в. жизнеописаний Петра I вышло в Венеции на итальянском языке в 1736 г.

Его длинный, в духе времени — разъяснительный, титул гласил: «*Vita di Pietro il Grande Imperador della Russia estratta da varie memorie pubblicate in Francia e in Olanda*» («Жизнь Петра Великого, Российского Императора: извлечения <дословно: извлеченная> из различных записок, опубликованных во Франции и Голландии»). Также в духе времени, жизнеописание вышло анонимным. Но в те времена пишущих людей и, соответственно, книг было мало, и анонимность сохранялась недолго. Так и венецианская книга в последующих итальянских изданиях, начиная со второго (1739), уже имела печатное имя своего создателя — Антонио Катифоро.

Выходец с греческого острова Закинф (иначе Закинтос, или Занте), из знатной семьи афинского происхождения, Антонио Катифоро^а (ок. 1685–1763) был связан с венецианской и шире — итальянской культурой по рождению, так как Ионические острова тогда входили в число владений Светлейшей республики (Серениссимы) и венецианский вариант итальянского использовался там в качестве государственного^б. С 1702 г.

---

^а Согласно греческому написанию — Антониос Катифорос, однако мы будем придерживаться традиционного, итальянизированного варианта — Антонио Катифоро (при этом С. И. Писарев, переводчик «Жизни Петра Великого» в XVIII в., русифицировал имя как Антоний Катифор).

^б В связи с таким пограничным обитанием в двух мирах и идентичность Катифоро становится неопределенной. Современные греческие исследователи считают его, естественно, греком, а итальянцы — итальянцем, раз он писал преимущественно по-итальянски и являлся всю жизнь гражданином Венецианской республики. Если нужна этническая конкретизация, то думается, что правильнее называть его итало-греческим автором.

Антонио обосновывается в Риме, сначала как ученик (*convictor*; т. е. живущий в интернате) Греческой коллегии Св. Афанасия, а затем как ее преподаватель. Вне сомнения, в Риме он считался униатом, грекокатоликом: подобный метод «похищения» образования в итальянских католических учреждениях был принят в греческой среде, не имевшей тогда, под турками или венецианцами, собственной системы православного обучения.

Священническую карьеру Катифоро начал в Венеции, при старейшем греческом приходе в Европе — св. Георгия «дей Гречи», где в 1710 г. был рукоположен во диакона известным епископом-униатом Мелетием (Типальдом)^а. Это выглядело вполне естественно — выпускник римской униатской коллегии постригается у униатов в Венеции. Однако если в Риме православных, считавшихся тогда схизматиками, вообще в институционализованном виде не существовало, то в Венеции ситуация сложилась иной: тут действовали православные община, братство («сколетта Сан-Никколо») и иные учреждения. Антонио прибыл в Лагуну в самый разгар конфессиональных трений среди соплеменников: греческая община в тот момент переживала раскол, причем православные греки обращали свой взор к петровской России.

В те годы вообще возникли особо развитые связи между венециано-греческой общиной и русским правительством, и, вне сомнения, Катифоро именно в Венеции в тот момент познакомился или непосредственно с русскими эмиссарами, и/или с прорусски настроенными православными греками. Именно по просьбе последних 7 декабря ст. ст. 1710 г. Петр I отправляет в Серениссиму свое известное письмо-ходатайство в защиту храма Св. Георгия от захвативших его униатов, возглавляемых тем самым епископом Мелетием^б.

Катифоро все-таки должен был сделать свой выбор, и он сделал его, как свидетельствует его биография, в пользу православных институций: все последующие годы Катифоро последовательно придерживается их стороны. В этом его укрепляет,

^а Ястребов А., *свящ.* Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. М., 2018. С. 215–220.

^б Там же.

вне сомнения, возвращение на Закинф, куда он уезжает вскоре после (униатского) поставления во диаконы. Более того, несмотря на «униатское прошлое», на родине он становится православным священником.

В 1715 г. из-за конфликта Серениссимы с Оттоманской Портой и соответствующей военной угрозы со стороны турок молодой иеромонах покидает Закинф ради службы в России: приглашение было получено от самого А. Д. Меншикова — вероятно, через Венецию. Антонио пересекает Европу и отплывает на восток, но уже в самом начале морского путешествия его корабль терпит крушение у берегов Голландии. Катифоро, спасенный местными жителями, остается в Амстердаме некоторое время, которое он использовал также для овладения голландским языком, подрабатывая домашним учителем в богатой семье, в итоге так и не добравшись до России.

Турецко-венецианский конфликт на Адриатике продолжался, и Катифоро вновь оказался в Венеции, где получил должность преподавателя Греческой коллегии Флангиниса («Флангиниева школа»). Тогда же он усвоил для себя в итальянском обиходе титулование «аббат», соответствующее, вероятно, архимандриту.

На некоторое время, в 1725–1730 гг., он опять возвращается на Закинф, где теперь уже возглавляет церковную общину острова, но затем опять, и теперь уже надолго, обосновывается в Лагуне. Именно к этому венецианскому периоду, с 1732 по 1750 г., относятся большинство богословских и исторических трудов Катифоро, многие из которых до сих пор еще не изданы. Он публикует в 1734 г. ставшую популярной «Точнейшую грамматику греческого языка» («Γραμματικὴ Ἑλληνικὴ ἀκριβεστάτη»), переводит на новогреческий с французского «Историю Ветхого и Нового Завета» янсениста Н. Фонтена («Ἱστορία τῆς Παλαιᾶς καὶ Νέας Διαθήκης»); под его руководством выходит венецианский аналитический альманах «Storia dell'anno» («История года»), где большое, и уважительное, внимание уделялось делам России. Одним из его основных занятий стала титаническая работа над комментированным изданием и переводом на латынь полного корпуса сочинений патриарха Константинопольского Фотия I (ок. 820–896), однако этот труд он не сумел завершить, написав лишь

вводную статью и составив сотни аннотаций^а. Аббат продолжает преподавание в Греческой коллегии: среди его учеников — Елевферий Вулгарис, тоже выходец с Ионических островов, ставший при Екатерине II видным деятелем российской культуры — епископом Евгением.

К старости плодотворный литератор-богослов вернулся на родину, где и провел последние годы. К сожалению, увезенный им на Закинф архив погиб там во время землетрясения 1953 г.^б

За жизнеописание Петра, которое и прославило его имя, Катифоро принялся в 1735 г. Его венецианская книга была сразу же переведена на новогреческий, затем трижды (!) на валашский — разными переводчиками во всех трех Дунайских княжествах, на «иллирийский славянский» (т. е. сербохорватский), на венгерский и, о чем ниже особо, на русский.

Высокое качество работы Катифоро (хотя теперь, спустя три столетия, мы находим в его тексте немало неточностей) обеспечивалось не только высокой культурой автора и научной добросовестностью, но и великолепной базой — венецианской Библиотекой св. Марка (*Biblioteca Marciana*), куда стекались не только все свежие книги, но и вся европейская периодика. Еще одно достоинство текста — его изысканная литературность. Так, автор, помимо обязательной Библии, цитирует Демосфена, Тацита, Овидия и других античных мудрецов (при этом, как выяснилось при переводе, он зачастую цитирует не самих классиков, а сборники «крылатых фраз», широко распространенные в ту эпоху).

Книга Катифоро имеет шесть глав, названных по-итальянски «*libri*», то есть «книги»; это порой приводит к ложному представлению о якобы шеститомном сочинении. Но в любом случае это объемная публикация: в первом ее издании 350 страниц.

Первая глава — общий, энергично написанный экскурс в историю допетровской Руси с доведением повествования до регентства Софии, с указанием предпосылок для назревших

^а См.: *Losacco M.* Antonio Catiforo e Giovanni Veludo: Interpreti di Fozio. Bari, 2003.

^б *Μπόμπου-Σταμάτη Β.* Στοιχεία για τὸν Ἀντόνιο Κατήφορο καὶ τὸν Θρακίσκο Μηνιάτη // *Κερκυραϊκὰ χρονικά.* 1982. Τ. 26. Σ. 297–310; *Καραθανάσης Α. Ε.* Η Ἰταλὸγενεὶα τοῦ Πέτρου τοῦ Μεγάλου. Θεσσαλονίκη, 1986.

реформ. В последующих пяти главах достаточно последовательно рассказывается собственно о царствовании Петра и о его преобразовательной деятельности.

Одним из первых в Европе Катиоро создал портрет самодержца-просветителя, справедливо сравниваемый с тем, что позднее был предложен в сочинениях Вольтера^а. Однако для автора Петр был важнее не как просветитель, а как самодержец — талантливый созидатель могучей православной державы. Восхищенно описывая успехи царя, он неоднократно восхваляет избранную им государственную систему, которую теперь называют меритократией: автор на примерах показывает, каким образом Петр собирал своих сподвижников, невзирая на титулы и происхождение. Несколько идеализированно представлено положение России в Западной Европе, которая, согласно автору, благосклонно восприняла новую могучую силу на Востоке. Вхождение Московского царства в европейское сообщество было обусловлено начальными яркими дипломатическими акциями — в первую очередь Великим посольством^б. Автор описывает политические, экономические, военные реформы монарха, всегда успешные, по его мнению.

Православная империя представлялась автором как будущая освободительница подневольных народов от их турецких завоевателей, именно поэтому «Жизнь Петра Великого» получила такой широкий резонанс на Балканах.

Важен и исторический контекст появления книги. В 1735 г. вспыхнула очередная Русско-турецкая война, которая рассматривалась в Европе как неизбежное продолжение поступательного

---

^а Следует заметить, что еще ранее Вольтера образ монарха-просветителя был создан немецкими авторами (И. Г. Лознштейн, Ю. Г. Рабнер) — именно они стали первыми, — а также Фонтенелем, «Похвального слова» которого Катиоро не мог не знать. Следуя по стопам Фонтенеля, Вольтер создал свой образ Петра I в «Истории Карла XII» (1730–1731), которую наверняка также использовал венецианский автор. Кроме того, на французском языке выходили очень содержательные записки Ф. Х. Вебера. Что касается Голландии, то там вышла действительно первая полная посмертная биография Петра, написанная Ж. Руссе де Мисси (Нестесураной) по-французски.

^б *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия. 1697–2006. СПб., 2008; *Они же.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008.

движения России на юг — к Балканам и Проливам. Как и большинство греков, Катифоро мечтал о возрождении Эллады, а живя в Венеции, не мог не заметить упадок ее военной мощи, на которую прежде уповали греки, и в целом ему был очевиден прагматизм венецианцев, давно видевших в турках традиционных и надежных коммерческих партнеров.

Повышенное внимание автор уделил религиозной проблематике. Это, вне сомнения, обуславливалось тем, что он священник, более того — православный священник в католическом окружении. Ему, как говорилось выше, самому пришлось пережить конфессиональные трудности и сделать свой выбор. Поэтому Катифоро подробно рассказал о беседе Петра с сорбонскими богословами в 1717 г. по поводу возможного объединения Католической и Православной Церквей^а. Любопытно, что и последнюю Церковь он часто называет «*Cattolica*», имея в виду ее вселенскость^б.

Уже спустя год после итальянского издания вышел греческий перевод книги, выполненный врачом греческой общины в Венеции А. Канкеллариосом. Публикация имела чуть более длинное название, чем в оригинале: «Βίος Πέτρου τοῦ Μεγάλου αὐτοκράτορος Ῥουσίας, πατρὸς πατρίδος, συλλεγες ἐκ παντοίων ὑπομνημάτων ἐν Γαλλίαις καὶ Ὀλλανδίᾳ ἐκδοθέντων», так как после титула «автократор^с Российский» стояло прибавление «Отец Отечества». Не приходится сомневаться, что на венецианские печатные станки этот перевод пошел после визы его автора (в тот момент — еще анонимного), однако вызывает удивление, что рафинированный аббат доверяет важное переводческое дело некоему медику — нет ли здесь какой-то издательской или авторской уловки? И не написал ли сам Катифоро греческую версию, не поставив свое имя ради сохранения анонимности?

^а См.: Талалай М. Г. Католический фактор внешней политики Петра I и его визит во Францию в 1717 году // Европейские маршруты Петра Великого. К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. СПб., 2019. С. 358–366.

^б В русском языке для данного плана возник удобный нюанс: Западная Церковь — католическая, Восточная — кафолическая; обыгрывается возможность разной транслитерации греческой фиты.

^с То есть самодержец, однако не «император», как в итальянском. Впрочем, сам титул включал оба слова: «Император и Самодержец Всероссийский».

В 1742 г. за перевод книги Катифоро на русский берется молодой чиновник при Коллегии иностранных дел Стефан (Степан Иванович) Писарев (ок. 1708–1775). Неизвестно, рассматривал ли он книги других авторов, но на его стол в итоге попадает именно трактат Катифоро^а. Много позднее, в печатном издании своего перевода, он указал, что принял за свой труд после «изустного повеления» императрицы Елизаветы Петровны^б. Такая расплывчатая формулировка многих не убеждала: высказывалось предположение, что это была личная инициатива самого Писарева^с. Однако сохранившаяся в Библиотеке Академии наук рукопись 1743 г. имеет пространное посвящение императрице Елизавете Петровне с упоминанием ее августейшего «соизволения»^д, и поэтому сомнения в реальности высочайшего заказа отпадают.

Стефан Писарев отличался высоким профессионализмом. Даровитый студент московской Славяно-греко-латинской академии, он еще до ее окончания, в 1725 г., был включен графом С. Л. Владиславичем-Рагузинским в важнейшую дипломатическую миссию в Китай. По сути дела, он становится канцеляристом при русском посольстве в Пекине и вместе с ним возвращается в 1728 г. в Россию. Сначала Писарев преподает греческий язык в родной Славяно-греко-латинской академии, а в 1731 г. переезжает в Петербург и поступает на службу чиновником в Коллегию иностранных дел, поднимаясь по служебной

^а Не исключено, что в русских дипломатических кругах знали о геополитической ориентации автора: он выпускал популярный в Европе ежегодный альманах «La storia dell'anno» («История года»), с обзором важнейших событий в разных странах, и в альманахе за 1741 г. в хвалебных тонах описал восшествие на престол Елизаветы Петровны.

^б [Катифор, Антоний.] Житие Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийскаго, Отца Отечества, собранное из разных Книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте Италианском, а потом и на Греческом: с коего на Российской язык перевел статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772 («К читателю», без пагинации).

^с *Пешич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. I. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 203.

^д *Буш В. В.* «Житие Петра Великого» Стефана Писарева // Журнал Министерства Народного просвещения. Новая серия. Ч. LIX, окт. 1915. С. 289–291. При этом заметим, что между «соизволением» царицы, т. е. пожеланием, и ее «повелением» разница все-таки есть.

лестнице до чина статского советника и посвящая свой досуг переводам — преимущественно с итальянского и греческого^а.

Итак, в 1743 г. Елизавета Петровна получает, спустя всего семь лет после выхода оригинала, профессионально подготовленный перевод жизнеописания ее знаменитого отца с длинным, но весьма исчерпывающим названием: «Житие Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссийскаго, Отца Отечества, собранное из разных Книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте Италианском, а потом и на Греческом: с коего на Российской язык перевел статский советник Стефан Писарев».

Однако публикации перевода пришлось ждать тридцать лет: он вышел уже в правление Екатерины II, причем за собственный счет уже вконец отчаявшегося переводчика.

Причины такой впечатляющей задержки неизвестны. Высказывалось предположение, что в правительственных кругах по получении рукописи Писарева вызрело решение иметь трактат какого-то более престижного западного автора, каковым в итоге, спустя годы, стал Вольтер^б. Сам переводчик в напечатанной книге в 1772 г. невинно обвиняет, спустя тридцать лет, неких «недоброхотов». Кто же эти «недоброхоты»? Нельзя исключить, что ими были еще жившие в те годы современники Петра, как-то нелицеприятно упомянутые (или, наоборот, забытые) в книге Катиоро.

Нельзя сказать, что дело пропало втуне: на Руси стали широко циркулировать рукописные варианты «Жития Петра Великого». Сохранившихся списков много: сегодня их насчитывают в Российской национальной библиотеке — более 35, в Библиотеке Академии наук — более 20, в Российской государственной библиотеке — более 10 экземпляров и т. д. Биография монарха «заслуженно приобрела широкую популярность. Это объяснялось интересом к личности великого государственного деятеля, ясностью и простотой авторского изложения, мастерством

^а Обзор его творчества см.: Николаев С. И. Писарев Стефан // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб.: Наука, 1999. С. 437–438.

^б См.: Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом / Подгот. текста к публ. М. В. Ковалева и А. Е. Кулакова. СПб.: Нестор-История, 2021.

переводчика»^а. В итоге трактат «Vita di Pietro il Grande» в русском переводе лег в основу многих рукописных компиляций Елизаветинской эпохи: заинтересованные люди не только его переписывали, но и добавляли свои предисловия, новые фрагменты, комментарии. Можно с уверенностью говорить, вслед за исследователем С. Л. Пештичем, о серьезном «влиянии произведения Катифоро на развитие русской исторической мысли»^б. Любопытно, что даже после выхода «Жития...» из печати его продолжали переписывать от руки. Русским переводом трактата широко пользовался И. И. Голиков в своих «Деяниях Петра Великого» (правда, он со временем разочаровался в работах иностранных авторов). Эту книгу имел в своей библиотеке и Пушкин: когда он собирал материал для своей незавершенной «Истории Петра I», то добросовестно, четырежды, указал источник («по свидетельству Катифора») — точно так же, когда в «Медном всаднике» поэт в уста Петра вкладывал метафору об «окне в Европу», он указал ее автора — Альгаротти.

Каким же образом книга «Vita di Pietro il Grande» попала в Петербург, кто первым обратил на нее свое внимание? Вероятно, ее — в итальянском или греческом варианте — мог приобрести выходец с Балкан граф С. Л. Владиславич-Рагузинский, собравший богатейшую библиотеку. (После его кончины в 1738 г. Писарев получил по завещанию часть библиотеки своего патрона.)

Венецианскую книгу мог знать и ценить другой представитель высоких кругов — Семен Кириллович Нарышкин, которому Писарев посвящает один из своих переводов греческой духовной литературы. Хотя это посвящение относится к позднему периоду (1773 г.), высказывается убедительное предположение, что два ровесника — эрудированный аристократ-эллинофил и культурный чиновник при дипломатическом ведомстве — уже общались в Петербурге в 1730-х гг.^с При этом Нарышкин, как

^а Пештич С. Л. Указ. соч. С. 203.

^б Там же. С. 204.

^с Об этом см.: Кагарлицкий Ю. В. К вопросу об издании переводных религиозных книг в России XVIII века: переводы Стефана Писарева и их издательская судьба // Век Просвещения. Вып. II. Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения. Кн. 1. М., 2008. С. 470–497.

известно, имел весьма близкие отношения с Елизаветой Петровной: сразу по ее восшествии на престол он начинает блестящую дипломатическую карьеру.

Нельзя исключить и некую роль князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, тоже дипломата-эллинофила и тоже ровесника Писарева, хотя сведений об их возможном знакомстве нет.

В любом случае представляется, что именно в кругу этих молодых «русских европейцев» (в момент восхождения Елизаветы на престол им чуть более 30 лет) с их связями на Западе (при особом внимании к средиземноморским и греческим делам) и осуществился выбор венецианской книги в качестве первой биографии Петра на русском и ими же было сформировано благожелательное мнение только что воцарившейся императрицы^a.

Писарев с энтузиазмом берется за «Житие Петра Великого». Давно замечено, что его труд — это больше, чем простой перевод. Исследователь этого текста пишет: «Сравнивая рукописи русского „Жития“ с итальянским оригиналом и с русскими печатными изданиями, я пришел к выводу, что „Житие“ — не простой перевод *sine ira et studio*^b, а до некоторой степени переделка, приноровленная к потребностям и взглядам русского читателя XVIII века^c, поясняя далее: «Такая „переделка“ вместо перевода книги сама по себе ничего оригинального не содержит — <...> такие „переделки“ были широко распространены»^d.

Автор этих строк, взявшийся, вслед за Писаревым, за перевод венецианской биографии Петра, с таким форсированным выводом согласиться не может: все-таки это была не «переделка», а верный добросовестный перевод, с некоторыми (редкими) изъятиями и дополнениями. Пользуясь своими знакомствами и положением при дипломатическом ведомстве, Писарев порой подключает документы (всегда с указанием источников),

^a В. В. Буш, убедительно предполагая, что Елизавета Петровна вряд ли сама могла указать на книгу Катифоро, категорично заявляет, что «выбор был предоставлен Писареву»; см.: Буш В. В. Указ. соч. С. 268. Однако думается, что в таком ответственном деле участвовали более высокопоставленные лица, нежели молодой сенатский чиновник.

^b Без гнева и пристрастия (*лат.*).

^c Буш В. В. Указ. соч. С. 263.

^d Там же.

уточняет, комментирует. Он приспособливает терминологию Катифоро к отечественной, исправляет личные имена, топонимы, чины и звания, в которых венецианский автор иногда путался, но никаким «приноровлением к потребностям и взглядам русского читателя» Елизаветинской эпохи Писарев не занимался.

Приведем некоторые замеченные нами отличия оригинала от перевода.

Катифоро в местах с церковным дискурсом для паствы Русской православной церкви употребляет западный, католический термин «рутены», а саму Церковь именует «Церковью Рутении», так как в католическом обиходе долго использовалось латинское обозначение Руси — *Ruthenia*. Стефан Писарев везде переводит «рутенов» как «россияне», и, соответственно, Церковь Рутении — Российская. Иллирийцев, как тогда в Италии именовали балканских славян, входивших в юрисдикцию римских пап, переводчик обозначает просто как «славян». Императора Священной Римской империи Писарев титулует «цесарем Римским», а его подданных — «цесарцами», как это было принято в Московии. Катифоро часто использует звание «маршал», которого тогда в русской армии не было, и Писарев иногда по смыслу переводит это как «вождь», а иногда уточняет звание — для Б. Н. Шереметева, называя его «фельдмаршал». Вице-канцлер П. П. Шафиров у Писарева становится «подканцлером», атаман Мазепа — «гетманом». В одном рассказе про казаков он добавляет «запорожские». Там, где Катифоро говорит о подмосковном «замке» Петра, Писарев ставит топоним — Преображенское; *Livonia* он переводит как «Лифляндия» и т. п., в целом точно подыскивая русские географические названия.

Ряд хронологических неточностей Катифоро, неизбежных при таком обширном труде в ту эпоху, Писарев исправляет: например, в одном месте, где описываются европейские войны с Оттоманской империей, 1686 год он меняет на 1688-й; в других случаях просто деликатно опускает ошибочные даты. К примеру, Второй Крымский поход венецианец отнес к 1688 г., а не к 1689, и Писарев ставит — «следующий Крымский поход», без даты, и т. д.

Он опустил поверхностную справку Катифоро об утверждении патриаршества на Руси, избыточную для русского читателя.

Радикальную правку он вносит в цифру погибших при строительстве Петербурга — у Катиоро, внесшего свою лепту в миф города на костях, — 200 тыс., у Писарева — 20 тыс., в десять (!) раз меньше.

Особенно переводчик внимателен к сведениям о доме Романовых, что было вызвано желанием пройти цензурные запреты и понравиться императрице. В рассказе о первом царе из этой династии, Михаиле Федоровиче, вместо ошибочного определения его отца как «патриарха» он ставит «митрополит Ростовский». Он выпускает обстоятельный биографический рассказ о Екатерине I (включая сведения о ее низком происхождении), лапидарно поставив: «Сия есть достоивная жена, которая, произшедши от рода Скавронских, знатного Лифляндского Шляхетства, достигла быть Самодержавною Императрицею Всероссийскою». Там, где Катиоро ошибочно пишет, что царь Иоанн «оставил после себя только двух дочерей», он исправляет цифру — «трех дочерей», добавляя про неупомянутую дочь: «Меньшая Параскева Иоанновна в девицах скончалася»^а. В ряде случаев, когда венецианец преждевременно называет Петра императором, Писарев находит близкие определения — «царь», «государь», «самодержец»^б. Автор часто называет своего героя, еще до официального присуждения титула, «Петром Великим», и переводчик, дабы избежать анахронизма, остроумно делает в таких случаях инверсию: «великий Петр». Фаворит Меншиков из «сына пироженщика» у Писарева становится «сыном мельника» и т. п.

В ряде случаев Писарев дополняет сюжеты Катиоро документами. Он вставляет в перевод грамоту к нидерландскому правительству (1697 г.): «Высокомочные Господа Генеральные Статы достохвальных, превосходительных и вольных

^а Хотя и это ошибка: после смерти матери Параскева Иоанновна тайно вышла замуж за генерала и сенатора Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова; см.: Сукина Л. Б. Первые Романовы: Жажда власти и любви. СПб.: Питер, 2007. С. 164–165, 378.

^б Следует отметить, что сам Катиоро употреблял два слова: архаичное *Imperador* (*Imperadore*) и *Imperatore*, причем первое, архаичное, более близкое к латыни, он ставил исключительно в случаях официального титулования «император», а второе — в широком смысле (самодержец, государь и т. п.).

соединенных провинций!» и т. д. Описывая один из эпизодов Северной войны, имевший место в 1702 г., он вставил пространный текст «ведомости, присланной к великому Петру от генерала-фельдмаршала Шереметева». В описание 1705 г. включена «Ведомость о сем действии, присланная от вице-адмирала Крейса к генералу Роману Брюсу», а в сюжете об одном дипломатическом инциденте с Англией в 1708 г. — пространный текст «речи, говоренной Посланником [Чарльзом Уитвортом]», а также «ответ от великого Петра оному Посланнику данный».

Уже после кончины Елизаветы, при Екатерине II, готовя рукопись к печати, он прорабатывает свежую русскую историографию и в своих комментариях ссылается на эти более поздние источники — «В *Летописце* г. Ломоносова^а» и «В российской истории, называемой *Ядро*^б».

Однако все эти случаи лишь показывают профессионализм переводчика и его прекрасное знание предмета. Он никогда не меняет ни оценки, ни структуру оригинала. Вопреки выводу В. В. Буша о «переделке» Писарева, представляется, что тот и не мог пойти на отсебятину: в конце концов, он сформировался на канцелярской работе в Коллегии иностранных дел, занимаясь переводами официальных документов, и отдавал себе отчет в важности следования документу.

В целом обстоятельная статья В. В. Буша, посвященная труду Писарева, страдает серьезным изъяном: исследователь посчитал предупреждение переводчика о том, что он переводил венецианский трактат не с итальянского, а с греческого, «выдумкой», характерной для «литературных нравов XVIII века» и понадобившейся Писареву для ублажения цензоров. Полагая, что греческого перевода книги Катиоро вообще нет, Буш тщательно сравнивал русский текст с итальянским, а не с греческим, придя в итоге к необоснованному выводу о «переделке»^с.

^а Ломоносов М. В. Краткий российский летописец с родословием. М., 1760.

^б Хилков А. Я. Ядро российской истории. М., 1770.

^с В. В. Буш был введен в это заблуждение существованием другой греческой книги о Петре Великом, удивительным образом вышедшей в той же Венеции, в том же 1737 г. (что и перевод книги Катиоро), — книги другого венецианского автора Афанасия Скъяды «Происхождение, характер, опасности и свершения Петра I, Отца Отечества, Всероссийского Самодержца».

Особенно дурную услугу эта его ошибка оказала в части, посвященной делу царевича Алексея: Буш составляет перечень корреспонденции между Петром и царевичем, которая отсутствует у Катифоро, но наличествует у Писарева. Это позволяло последующим исследователям думать, что переводчик якобы имел доступ к делу царевича и активно им пользовался. См., к примеру, такое утверждение: «Писарев значительно дополнил книгу Катифоро фактами и документами, в частности материалами по „делу царевича Алексея“»^а. В действительности он просто переводил греческий текст, который в этой части был намного пространнее, чем итальянский (что, заметим, указывает на деятельное участие Катифоро в подготовке греческой версии своего труда)

* * *

После выхода первого русского перевода книги Катифоро прошло два с половиной столетия, и отечественному читателю, как мы полагаем, пришла пора вновь открыть для себя это интересное жизнеописание Петра I, составленное просвещенным европейским автором.

Опубликованное впервые в 1736 г., оно впоследствии не раз переиздавалось, при этом если самые первые переиздания повторяли первоначальный текст, то в 1748 г. вышла дополненная публикация, куда автор добавил несколько первоначально отсутствовавших фрагментов, в частности — пространное, с богословским уклоном, описание встречи монарха с сорбонскими теологами и порожденные этой встречей документы: очевидно, что автор, православный священник, живший в католическом окружении, с годами стал более чувствительным к проблеме расхождения Западной и Восточной Церквей. Взяв за основу именно это итальянское издание, при нашей работе мы сверялись как с греческим переводом (1737), так и с русским переводом Писарева, о котором мы подробно написали выше. Это существенно помогло прояснить ряд пассажей автора.

^а Николаев С. И. Указ. соч. С. 437.

Немалую трудность представляли искажения в русской ономастике, характерные и до сих пор для западной славистики. Преодолев соблазн оставить все имена собственные, как их написал Катиоро, мы все-таки предпочли дать правильную форму, сопровождаемую авторским написанием на латинице, в квадратных скобках. Мы также решили не архаизировать русский язык «под Осьмнадцатый век», хотя такое искушение (особенно при наличии текста предшественника) существовало. Уверены, что труд венецианского историографа может органично войти в современную петровскую библиотеку.

Михаил Талалай

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

Новый перевод биографической книги о Петре Первом, написанной в Венеции Антонио Катиоро в 1735–1736 гг., естественно, нуждался в точных и подробных комментариях, работа над которыми, пожалуй, оказалась не менее трудоемкой, чем собственно перевод: комментаторам было необходимо параллельно с венецианским автором восстанавливать перипетии Петровской эпохи.

При составлении комментариев мы пользовались следующими приоритетами: 1) дать справки по персоналиям; 2) указать вымысел (подчеркнем, что вымысел не авторский — Катиоро лишь пользовался доступными ему источниками); 3) дать оценку тем сведениям, по которым у читателя могут возникнуть ошибочные представления.

Теперь перед отечественным читателем — по сути дела — две книги: одна — это собственно переведенный текст Катиоро, другая — обширный корпус наших комментариев. Представляется, что они играют роль не только уточнений и исправлений — внимательный читатель получит возможность сравнить представления о Петре той дальней эпохи, включая легендарные и мифопоэтические, с современными историческими знаниями. Образ Петра при этом приобретает интересные многомерные координаты — мы видим его одновременно из XVIII в. и из XXI.

Казалось бы, петровская биография Катифоро уже давно преодолена новой литературой. Зачем же мы взяли за ее новое издание?

Во-первых, нами двигало убеждение, что книгу «Vita di Pietro il Grande» можно смело отнести к литературным памятникам — по ее высоким художественным качествам, по удавшемуся намерению автора включить свой текст в высокий жанр жизнеописаний великих людей. Однако свежее обращение к итальянскому трактату представляется важным не только с литературной, но и с *историографической* точки зрения. Напомним, что сам автор в России не бывал и с самим монархом не встречался (хотя, вне сомнения, виделся с петровскими эмиссарами в Венецианской республике), с архивными документами не работал, поэтому его труд следует считать компилятивным. Однако метод компиляции в ту эпоху являлся более чем приемлемым, требуя от «компиляторов» высокой компетенции: в самом деле, Катифоро был полиглотом (итальянский, греческий, французский, латинский, голландский, английский) с большими связями с европейскими гуманитариями и с великолепной базой в качестве венецианской Библиотеки св. Марка, куда стекались свежайшие публикации. Автор честно ставит прямо в названии книги указание на французские и голландские записки. Его книга — чуть ли не первая в европейской историографии, еще не получившей в тот момент цельного жизнеописания императора. Она, думается, как раз и интересна своей аналитичностью, тенденцией, «образом Петра».

Во-вторых, трактат Катифоро можно считать неким рубежом в петровской историографии. Прежде западные сочинения о Петре выходили или еще при его жизни, или сразу же после кончины монарха. Это были тоже компиляции, тоже с широким использованием периодики, как газетной, так и журнальной, реже — с привлечением архивных документов, и, что было характерно для того периода, с личными впечатлениями от встреч авторов с Петром или от их пребывания в России (упомянем, к примеру, тексты Перри и Вебера). Не было недостатка и в политических памфлетах «на злобу дня», например по причине т. н. Северного кризиса 1716 г. Именно после книги Катифоро пришла пора собственно *исторических* сочинений о Петре

самых разных жанров, вершиной которых для XVIII в. станет книга Вольтера (впервые появившаяся в печати в 1759–1763 гг.). Влияние Вольтера не ослабили и отечественное монументальное произведение Ивана Голикова — 12-томные «Деяния Петра Великого...», выходявшие в 1788–1789 гг., и 18-томные «Дополнения к Деяниям Петра Великого». Конечно, значение труда Катифоро значительно более скромное. И тем не менее он был достаточно известен в культурной русской среде. Как уже указывалось, русский перевод «Vita di Pietro il Grande» успешно циркулировал в форме списков, а печатной книгой пользовались поколения читателей, включая того же Голикова и даже Пушкина.

В-третьих, высокопрофессионально подведя итоги петровского правления и изложив в литературной форме самые важные тексты о Петре того периода (и в прорусском ключе), Катифоро дал нам прекрасную возможность увидеть то, что было известно в Европе о российском монархе и самой России к середине 1730-х гг.

В-четвертых, вновь познакомившись с этим текстом, мы лучше понимаем формирование исторических анекдотов о Петре, «запущенных» в отечественной культуре в конце XVIII в. (в первую очередь в книге А. А. Нартова): многие из них встречаются уже у Катифоро и, следовательно, циркулировали уже до середины 1730-х гг. Однако «петровские анекдоты» нуждаются в более тщательной реконструкции, для которой не хватает переводов на русский язык ряда европейских сочинений 1710–1720-х гг. Надеемся, что публикуемый нами новый перевод венецианской книги станет импульсом для дальнейшей переводческой работы над текстами той эпохи.

И, наконец, последнее. В ходе подготовки комментариев и при консультациях с другими исследователями, в первую очередь с Е. В. Анисимовым как с ученым, на сегодня лучше, чем кто-либо, знающим петровскую историографию, стало понятно, что у Катифоро есть описания событий, неизвестных по другим источникам. Часть из них, безусловно, является вымыслом либо самого венецианца, либо авторов, заметками которых он пользовался. Но вот часть описаний может восходить к свидетельским показаниям и другим текстам Петровской эпохи, вполне адекватно отражавшим сюжеты, позднее забытые. Некоторые

из них отмечены в наших комментариях. Они требуют дополнительных исследований, и сочинение Катиоро как раз дает такую возможность.

* * *

Приведенные нами в примечаниях сведения имеют библиографические ссылки, при этом использование общедоступной *справочной* литературы (в том числе интернет-энциклопедий), за редким исключением, не оговаривается.

При определении дат широко использовалась предоставленная Д. Ю. Гузевичу рукопись Е. В. Анисимова «Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672–1725», что также не оговаривается, и «Походные журналы (Юрналы) Петра Великого», что оговаривается не всегда.

Мы привлекли к комментированию ряд специалистов, примечания которых подписаны их именами: это А. М. Булатов, П. А. Аваков, В. В. Аристов, И. В. Кувшинская, М. А. Витухновская. Кроме того, мы обращались за консультациями к следующим нашим коллегам: Е. А. Андреева, А.-М. Канепа Мордаччи (А. М. Canepa Mordacci), М. О. Логунова, О. А. Красникова, Й.-П. Нильсен (J. P. Nielsen), В. В. Тевлина.

Фундаментальную помощь при переводе архаичного итальянского текста оказали специалисты по культурной истории Италии Ю. В. Иванова и П. В. Соколов.

Наша особая признательность — Е. В. Анисимову, который критически прочитал как перевод, так и комментарии и высказал ценные замечания, уточнения и дополнения, которые также отмечены его именем.

Дмитрий Гузевич,
Михаил Талалай

Антонио Катифоро

*Жизнь Петра Великого,
Императора Российского:
извлечения из различных записок,
опубликованных во Франции и в Голландии*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякий, кто как следует поразмыслит о всеобщей истории мира, без труда обнаружит, что Небу угодно время от времени посылать на землю людей возвышенного и выдающегося духа, которые благодаря одной лишь от рождения им присущей пронизательности ума достигли в благороднейших науках и искусствах столь великого совершенства, что для других людей сумели сделаться в избранной ими области образцом для подражания или предметом поклонения. Одним из таких счастливых был, без сомнения, ПЕТР Великий, император Российский, который, как кажется, явился в этот мир, чтобы стать в великом искусстве благого правления величайшим примером для преемников своих и дивом — в очах всего мира. Он уже в нежнейшую пору своей жизни выказал, что рожден на свет исключительно для того, чтобы даровать счастье подвластным ему народам, в чем и должна заключаться цель доброго правителя. Таков был сей бесподобный самодержец, который без помощи наставников, не читавши книг и не переступая порога школы политиков-царедворцев, но, напротив, будучи возвращен самым что ни на есть неподобающим образом, сумел из самого себя породить и счастливо осуществить великий замысел, состоявший в том, чтобы преобразовать свое государство, приобщить к цивилизации свои народы и облагородить нацию, до той поры пребывавшую в полном невежестве, если не сказать — варварстве. Государь, поистине заслуживающий восхищения, ибо он сумел произвести невероятные, но оттого не менее истинные метаморфозы у диких и неистовых животных и сделать их образованными и культурными людьми, камни превратить в города, болота — в оружейни, а леса — в академии. От природы наделенный в высшей степени пронизательным умом, способным

замышлять великие предприятия, беспримерным мужеством, необходимым, дабы претворять их в жизнь, и нерушимой твердостью духа, позволяющей доводить их до конца, Петр, несмотря на бесчисленные препятствия, которые подстерегали его на каждом шагу, расширил пределы своей и без того уже обширнейшей империи, вновь присоединив к ней провинции, долгое время бывшие под властью могущественнейших ее соседей. Он отыскал самое что ни на есть подходящее место для постройки великого города и сосредоточил в нем торговлю всего Севера, за несколько лет доведя число жилищ в нем до шестидесяти тысяч, а число жителей — до четырехсот тысяч¹, хотя прежде на этом месте можно было видеть лишь горстку хижин убогих рыбаей. Он создал из ничего огромный флот и спустил на море до шестидесяти линейных кораблей² и восьмисот галер³, а кроме того — без числа малых кораблей, и превратил в отличных моряков насельников гор и лесов. Он установил в своих войсках дисциплину, достойную лучших образцов регулярных армий; основал в своем государстве академии всевозможных наук⁴, особенно же морского дела⁵; привел в порядок финансы по типу самых просвещенных монархий Европы; установил твердые законы для отправления правосудия; щедрым и обильным вознаграждением привлек в свое царство мастеров, особенно сведущих в искусствах и ремеслах и полезных для благоуукрашения города, и, что труднее всего, вывел свое духовенство из состояния непроходимого невежества, которым оно как будто гордилось, заставив служителей Церкви заняться науками и сделав их, почти против их собственной воли, учеными. Ревность его о вере простиралась так далеко, что он обратил в христианство жителей языческих провинций, убедив их сжечь идолов и принять христианство не мечом и насилием, но лишь словом ревностных проповедников⁶. Одним словом, можно сказать, что он прославил свою нацию во всем мире, обессмертив память о себе в грядущих поколениях.

Ошибается тот, кто думает, что лишь седая древность может гордиться привилегией производить на свет великих людей. Дерзнем и мы повторить вслед за Тацитом его слова: *Non omnia apud priores meliora, sed nostra quoque aetas multa laudis imitanda*

posteris tulit^{a,7}. В нашу эпоху холодный Север дал миру двух героев, достойных сравнения с теми великими мужами, которыми хвалится греческая и итальянская древность. Каждому ясно, что я говорю о Карле XII, короле Швеции, и Петре I, царе России. Карл, без сомнения, принадлежит к числу самых выдающихся из героев, какие родились на земле во многие века: в пору ранней юности он уже громил армии, покорял страны, отнимал и раздавал по своему произволу королевские венцы⁸, умирил Данию, подчинил себе Польшу, обложил данью Саксонию, навел ужас на кесаря⁹ и князей Германии. Несмотря на всё сказанное, Петра Великого следует поставить выше Карла — это признают даже те историки, которые описывали деяния Карла^{b,10}. Карлу неоднократно удавалось с небольшим числом шведских солдат побеждать во много раз превосходящие его числом силы московитов, однако случалось это до тех пор, пока во главе их не стал Петр Великий, вдохнувший мужество в сердца своих воинов. Когда же этим двум полководцам случилось помериться силами¹¹, Петр не только вышел победителем, но и разгромил того, кто прежде в тысяче сражений ни разу не познал поражение.

Жизнеописание этого славного героя на итальянском наречии, с подобающей тщательностью извлеченное из сочинений английских, немецких и голландских авторов, описывающих его царствование, я и намереваюсь, читатель, представить твоему вниманию. Первое из таких сочинений, которое мне удалось обнаружить, вышло в Лондоне на английском языке под именем Джона Перри¹². Этот автор утверждает, что, будучи инженером, провел в Московии на царской службе двенадцать лет. Однако так как этот писатель жестоко поссорился с некоторыми министрами российского двора, то и повествование его не свободно от гнева и пристрастия. Нередко он не гнушается выдавать за истинные факты совершенно ложные измышления, особенно в том, что касается религии и обычаев московитов. Кроме того, написанная им история доходит лишь до 1715 года и не охватывает последних десяти лет жизни Петра. В Германии пять лет

^a Tacit. Annal. 3. — *Прим. автора.* «Не всё было лучше у наших предшественников, кое-что похвальное и заслуживающее подражания потомков принес и наш век» (*лат.*) (*Тацит.* Анналы. Кн. 3, параграф 55).

^b *Вольтер.* Предисловие к «Истории Карла XII». — *Прим. автора.*

спустя появилось сочинение, посвященное этому же предмету. Автором его был немецкий дворянин: не объявляя своего имени, он сообщает лишь о том, что некоторое время прожил в Петербурге¹³. Будучи протестантами¹⁴, оба этих писателя не упускают случая оскорбить религию москвитов, особенно в тех вопросах, в которых Русская Церковь¹⁵ согласна с Римской¹⁶. К примеру, г-н Перри не стесняется утверждать, будто «единственное препятствие, не позволяющее подданным тартарам¹⁷ Российской империи принять христианство, — это злонамеренность и невежество москвитов, сказывающиеся в почитании ими образов. И потому тартары не могли (пишет он на странице 172 парижского издания своего труда¹⁸) без ужаса думать о том, чтобы принять подобную религию, ибо Бог в подлинном Его образе не может быть нарисован или представлен рукою человека»¹⁹. В этом же месте английский автор добавляет, что оные тартары, «по вере своей связанные с магометанами, обосновывают свои убеждения весьма разумными доводами, утверждая, что Бог — это предвечный Творец всего сущего, дающий людям жизнь и принимающий к Себе после смерти тех, кто прожил эту жизнь добродетельно». Неудивительно, что человек, который одобряет и хвалит подобные взгляды, диаметрально противоположные Евангелию, договаривается и до того, что «тартар он находит более искренними и честными, нежели москвитов». И уж вовсе непереносимой становится его самоуверенность, когда он берется утверждать, будто «если бы тартарам проповедали веру столь же чистую, как та, каковую исповедуют в Англии, и если бы им принесли ее служители столь же честной жизни, каковы англикане, то в нее удалось бы обратить не только тартар, но и самоедов и других варваров-язычников, населяющих крайние пределы Московии близ Северного полюса». Как если бы не было общеизвестно, что и образ жизни, и проповеди англиканского духовенства, по признаниям самих же писателей-англикан, не свободны от тех же пороков, которые они приписывают католическому и греческому клиру^{а, 20}. Кроме того, г-н Перри забывает о том, что в его собственную эпоху

---

^а См. книгу под названием «Вольные мысли о вере» («Pensieri liberi sopra la Religione») и в разных статьях «Английской библиотеки» («Biblioteca Inglese»). — *Прим. автора.*

русские миссионеры²¹, без всякой помощи англиканских служителей, обратили в веру Христову многие тысячи идолопоклонников, как нам позволит увидеть в дальнейшем наша история.

В 1725 году в Амстердаме были изданы в четырех томах записки под именем барона Ивана Нестесурано, московского дворянина²². Кем бы ни был этот писатель, он явным образом предпочитает протестантское вероучение католическому²³, и нередко сам он демонстрирует малодушие и маловерие по отношению к самым основаниям христианства, даже в простых его истинах. Вот что он пишет, рассказывая о древнейших страницах истории москвитов в самом начале своей книги: «Если правда, что разделение мира между теми, кому предстояло населять его и в нем жить, совершилось на равнине Сенаар²⁴, то представляется весьма вероятным, что северные страны оказались заселены довольно поздно. Более того: заселены они оказались лишь из-за того, что других земель не хватало, ведь сама жизнь там несет в себе множество неудобств». Немного ниже он добавляет: «Нельзя ли предположить, что раса их была спасена от вод потопа, который, по-видимому, не затронул северные страны, особенно если принять в расчет, сколь отличаются от прочих людей живущие там самоеды²⁵, зыряне [Zembliani]²⁶ и лопари [Laroni]²⁷?» Кому не очевидно, что подобное может говорить только человек, который ни во что не ставит авторитет Священного Писания, которое не оставляет сомнения в том, что разделение народов произошло именно на равнине Сенаара и что в водах потопа погибли все народы земли, ибо воды сии достигли вершин самых высоких гор?²⁸ *Opertique sunt omnes Montes excelsi sub universo Coelo*^{b,29}.

После того как писатель этот показывает, как низко он ценит Писание, он не упускает ни единого повода, чтобы пренебрежительно отозваться и о Святой Церкви, глумясь и насмехаясь над таинствами, обрядами, священниками и иноками, епископами и патриархами, кардиналами и понтификами. Особенно же изостряется его ядовитый язык против почтенного Общества Иисуса, утверждая, что «отцы-иезуиты не желают называться

^a Быт. 11:9. — *Прим. автора.*

^b Быт. 7:19. — *Прим. автора.*

монахами, потому что лишены их добродетелей, хотя и наделены всеми их пороками», что те «удивительным образом умеют проникать всюду, где надеются найти какую-нибудь корысть» и что они «способны разжечь великие усобицы в любом государстве, вследствие чего всякий благочестивый и благоразумный человек должен их чураться».

Так как вышеописанные книги наполнены подобного рода дерзкими и возмутительными положениями, нам кажется непозволительным и недопустимым предложить вниманию католического читателя³⁰ просто их перевод, как это делалось до сих пор с другими, в высшей степени полезными трудами. Кроме того, оные записки занимают семь томов, и изложение там ведется слишком пространно — в форме, чаще употребляемой в газетах и меркуриях³¹, чем в исторических сочинениях, что могло бы вызвать у читателя лишь скуку. Поэтому я и удовольствовался тем, что аккуратно извлек из этих трудов сам рассказ о деяниях Петра, добавив к нему лишь краткие примечания, не лишённые интереса, извлечённые мною из других источников, а также время от времени приводя, ради удовольствия ученого читателя, краткие размышления, опирающиеся в большинстве своем на те или иные глубокомысленные изречения наиболее авторитетных авторов.